

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Стальное ПЕРО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Стальное перо

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Стальное перо / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2015 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-83203-3

Легендарные сыщики МУРа полковники Гуров и Крячко расследуют убийство влиятельного чиновника Станислава Остапцева, который был застрелен на собственной даче. При этом преступники определенно что-то искали в доме. Спустя несколько дней бесследно исчезает сын убитого Павел, а следом сыщики получают информацию, что в подсобке подпольного казино найдены два трупа. В первом опознают пропавшего Павла Остапцева. Второй принадлежал гражданину Германии. Но на этом кровавая цепочка не обрывается. Вскоре в лесу обнаруживают еще одно тело со смертельной ножевой раной – руководителя того самого подпольного казино Котова. Специалисты судебно-криминалистической экспертизы без тени сомнения заявили, что такой удар мог нанести только человек, прошедший особую, эксклюзивную спецподготовку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83203-3

© Леонов Н. И., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Леонов, Алексей Макеев

Стальное перо

© Леонова О. М., 2015

© Макеев А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Это здание на улице Макарова ничем не выделялось среди окружающих строений. Совсем рядом существовал современный, гудящий энергией и финансами мир. Вон она, Пресненская набережная, вон горделиво высятся здания Делового центра и Афимолл-Сити. А здесь, среди старых домов еще советской застройки, терялись вывески магазина газового оборудования, офиса и технических служб ТСЖ «Энергетик-2002» да невнятная табличка «Техснабконтракт». Двух- и трехэтажные дома из старого серого и красного кирпича жались друг к другу, оставляя узенькие стыдливые проезды и куцые парковочные карманы возле входов.

Машин здесь было много, но большая их часть стояла на улице Макарова. А во дворы между домами въезжали большей частью грузовые «Газели» да машины работников расположенных там учреждений и контор. Но это днем, в рабочее время, а сейчас, в половине двенадцатого ночи, здесь было тихо. Поэтому две въезжающие во двор со стороны улицы Макарова «Газели» с цельнометаллическими кузовами сразу стали заметными среди общей картины дворовых территорий. Невзрачные, со следами ржавчины под желтой выцветшей краской. Колеса забрызганы грязью, номерные знаки и лобовые стекла тоже.

Но через несколько минут оказалось, что неопрятность этих двух машин была создана специально и очень старательно. Обе «Газели» остановились по обе стороны двухэтажного здания довоенной постройки с высокими этажами и двускатной шиферной крышей. Откатились боковые двери машин, и на асфальт начали выскакивать люди в черной униформе, в черных масках-«балаклавах», закрывавших лица. На спинах курток виднелись желтые надписи «ОМОН».

В мгновение ока здание было окружено цепью вооруженных бойцов полицейского спецподразделения. Четверо блокировали дверь первого этажа под вывеской «Техснабконтракт», по двое встали у наглухо закрытых подвальных окон. А основная масса бойцов вместе с тремя офицерами полиции и несколькими людьми в штатском побежали к неприметному входу в полуподвальное помещение с козырьком из оцинкованной стали. Двор наполнился топотом ног, грохотом спецприспособлений, которыми омовцы умело высаживали двери с мощными петлями и замками.

Прошло не более десяти минут, как в округе снова воцарилась тишина. Постепенно стали скапливаться группы зрителей из редких прохожих, задержавшихся на работе служащих офисов, да кое-кто из соседних домов, и началось тихое обсуждение полицейской операции. Высказывались самые разные предположения, но касались они прежде всего именно конторы под названием «Техснабконтракт», занимавшейся поставками на заказ оборудования, строительных материалов и инструментов. Однако полицию на самом деле интересовало то, что находилось в подвале этого здания.

Бойцы ОМОНа и оперативники со следователем прошли длинным коридором, в котором совсем недавно сделали хороший ремонт. Он был больше похож не на коридор подвала, ведущий в слесарную мастерскую или к тепловому узлу, а на галерею, которая могла, например, в дорогом коттедже вести к сауне с бассейном, или к бильярдной, или к личному спортзалу владельца.

Здесь же коридор со светодиодными светильниками уперся в добротную стальную дверь с глазком. Выбить ее или вскрыть иными механическими приспособлениями было проблематично, но внутри не стали спорить и возражать. В ответ на приказ открыть дверь она широко распахнулась.

– К стене! – грозно зазвучали голоса спецназовцев. – Быстро! Руки в стороны! Лицом к стене!

Топот ног, визг нескольких женских голосов, звуки падения тел пары несговорчивых. Разбираться сразу, кто здесь кто, было некогда, сейчас главное – задержать всех присутствующих в большом зале с игровыми автоматами и в двух других залах поменьше – один с покерным столом, а второй с рулеткой.

– Ковылин, – командовал следователь, – персонал отсеивай, и в сторону их, в сторону! Вон туда, в угол. У игроков документы проверить!

– Корень! – рявкнул на все помещение командир ОМОНа одному из своих бойцов. – Заткни им рты! Не разговаривать между собой!

Трое бойцов ринулись к группе персонала казино у дальней стены с таким решительным и зверским видом, что ноги подогнулись не только у девушек, но и у троих дюжих охранников. В зале наконец установилась тишина. Ошарашенные и испуганные посетители подпольного казино притихли, позволяя молча проверять собственные документы, хлопать себя по карманам, по спинам и животам, ощупывать руки и ноги сверху донизу.

Началось составление документов. Описывалось помещение, характеристики игровых автоматов и другого игрового оборудования. Составлялась опись изъятых в кассе денег. Двое оперативников методично и внимательно обходили все помещения, осматривая и простукивая стены, заглядывая под столы.

В такого рода заведениях часто находили тайники с наркотиками различного вида, иногда даже оружие. Нередко в стенах имелись замаскированные сейфы с огромным количеством наличности и документацией. Хотя и подпольное казино, хоть и не платятся налоги, но учет все равно ведется. Обязательно существует своя «черная» бухгалтерия, и часто предусмотрены потайные места, куда можно быстро спрятать папки с документами, жесткий диск компьютера с данными или другой носитель информации.

Были осмотрены туалеты, круглая стойка бара. Неприметная дверь за вторым рядом игровых автоматов оказалась запертой. Один из сыщиков велел привести администратора зала. Молодой парень в белой рубашке с красной бабочкой, как и у всего персонала, понуро стоял и смотрел себе под ноги.

– Что за комната? – спросил сыщик, указав на дверь.

– Служебное помещение, – чуть слышно ответил парень.

– Громче! Язык проглотил? Открывай!

– У меня нет ключа. Персонал туда доступа не имеет. Только управляющий и я. Но только вместе с ним.

– Серега, – повернулся к своему напарнику оперативник, – позови пару бойцов, пусть чем-нибудь подденут эту дверь. На вид она не очень прочная. – Когда тот ушел, он положил администратору руку на плечо и заглянул в глаза: – Слушай, тебя как зовут?

– Валера, – нервным голосом проговорил парень.

– Валера, – кивнул сыщик, – хорошее имя. Доброе. Ты как в это заведение попал, Валера?

– По объявлению. Я раньше администратором зала в кафе работал, но оно закрылось.

– И что, прямо такое объявление было, что набирается персонал в подпольное казино?

– Нет, про казино там не говорилось. Администратор зала был нужен, бармен, еще кто-то. Если честно, я не помню, как там было сформулировано, но очень похоже, что говорилось про кафе. Я позвонил по указанному телефону. Потом мне предложили встретиться, сказали, какая зарплата, но предупредили, что она будет неофициальной. Я согласился, мне обещали перезвонить через неделю, после того как наведут справки. Когда снова позвонили и мы встретились, тут мне уже сказали, что это казино. Обещали, что все надежно, хотя и неофициально.

– С кем встречался? Как зовут, как выглядит?

– Мужик, молодой. Лет тридцать... невысокий такой, крепкий. Он представился Виктором Сергеевичем, заместителем управляющего по безопасности. Сказал, что набором и проверкой персонала занимается тоже он.

– Короче, на большие деньги ты купился, – усмехнулся сыщик. – Так что в этой комнате?
– Касса и кабинет. Сюда выручку сносят, а управляющий с дежурным администратором ее считают.

– А куда деньги деваются потом?

– Не знаю. Наверное, после закрытия вывозят. Я ни разу не видел.

Вернулся второй оперативник с двумя бойцами. Спецназовцы принесли небольшой ломик. Дверь под умелыми ударами треснула, ломом подцепили врезной замок, от дверного полотна отлетел кусок древесины, и дверь распахнулась.

Старший из оперативников вошел и, нащупав выключатель, зажег свет. Небольшая комната площадью не более шести или семи квадратных метров. Стол посреди комнаты, три стула, еще один стол у стены, в углу большой старый несгораемый сейф с двумя дверками. Больше ничего в комнате не было. Стены здесь, как и в игровых залах, обиты тонким цветным войлоком, над головой подвесной потолок, под ногами линолеум. В общем, ничего необычного.

– Ключи от этого страшилища, – кивнул на сейф оперативник, – наверное, только у управляющего?

– Представления не имею, – ответил Валера. – При мне его ни разу не открывали.

– Там еще одна дверь, – подсказал второй оперативник. – В зале с рулеткой. Следовательно велел вскрывать.

– Что там за комната? – спросил старший у администратора.

– Не знаю, я там ни разу не был. Может, у руководства свой склад какой-нибудь, какие-нибудь запасные части для автоматов. Я только один раз видел, как оттуда выносили новые колоды карт, и все.

– Ладно, пошли, – похлопал его по спине сыщик. – А расскажи-ка нам про управляющего. Как зовут, что он собой представляет?

Валера снова опустил голову и поплелся за омовцами.

– Зовут его Сашей. Все так зовут. Он вообще-то редко тут бывает. Хотя...

– Что «хотя»? – заинтересовался сыщик, идя рядом с ним.

– Я не всегда вижу, когда он приходит. Я же только в зале с автоматами торчу. Он может пройти за стойкой бара, и его не увидишь, если он сразу в другой зал зайдет. В мой зал он вообще-то редко заходил. Неинтересно ему, тут же шушера всякая играет, приличные люди редко попадают. А там, за рулеткой и за покером, люди солидные, с деньгами.

Вторая дверь даже не имела ручки. Если бы не полностью включенное освещение, ее можно было и не заметить. Дверь была оклеена таким же войлоком, что и стены. Один из омовцев присел перед дверью с инструментом и принялся ковырять в скважине со знанием дела. Не прошло и трех минут, как замок открылся.

Другой из омовцев подвел плотную девушку лет двадцати пяти в обтягивающей черной юбке и в такой же, как и у всех, красной бабочке. Девушка смотрела настороженно, но без всякой обреченности. Кажется, девица с характером, подумал старший из оперативников. Эта будет защищаться до конца, такую «на совесть» не возьмешь. Она назвалась Светланой Антоновой.

– Вы администратор этого зала? – спросил сыщик.

– Да, я администратор, – ответила девушка не очень громко, хотя робости в ее голосе не слышалось.

– Что это за комната?

– Я не знаю. Наверное, склад или что-то в этом роде. Саша туда иногда заходил со своими помощниками. Оттуда нам приносили новые колоды карт, оттуда пополнялся запас чая, кофе, сахара.

– Вы тут не были ни разу? – уточнил сыщик.

– Нет, я уже сказала.

– Ладно, пошли посмотрим, что в этой комнате. Сергей, понятых пригласи, если тут материальные ценности, лучше заходить со свидетелями.

Сделав шаг, старший из оперативников пошарил рукой по стене и нашел выключатель. Помещение было побольше, чем предыдущее, – метров восемнадцать. Вдоль стен – стеллажи, пара железных шкафов, стол у стены, на полу...

Женский визг разорвал деловитую тишину следственных действий, ударив не столько по барабанным перепонкам, сколько по нервам всех присутствующих. Администратор Светлана отшатнулась прямо на оперативника, зажав рот рукой и вытаращив глаза. Двое омоновцев замерли на пороге. Один из понятых, водитель «Газели», которая сегодня дежурила у ОМОНа, прошептал матерное ругательство.

Омоновцы подошли к сверткам, лежавшим на полу посередине комнаты. Один из них стволом автомата отогнул побольше край белой синтетической ткани, и все увидели, что под ней труп. Омоновцы присели и принялись разворачивать второй сверток. Никто из присутствующих уже не сомневался, что в нем тоже обнаружится человеческое тело.

– Что тут у вас? – подошел сзади следователь и принялся протискиваться в комнату.

– А у нас тут два мужских трупа упакованы, – задумчиво произнес оперативник. – Это мы как-то удачно сюда наведались...

Лев Иванович Гуров сидел в кресле посреди комнаты и задумчиво барабанил пальцами по подлокотнику. В двух шагах от него на ковре, пропитавшемся кровью, лежал труп. Один выстрел в грудь, прямо в сердце, размышлял сыщик, еще ни о чем не говорит. А вот второй в голову, сзади за ухом, – это контрольный. Такая привычка сама по себе не появляется. У меня вот, например, такой привычки нет. И у двух сержантов из ППС, что сейчас торчат у входа в коттедж, тоже нет. И садовник на улице убит так же. Или он не садовник, а рабочий или сторож? Неважно. Главное, что сигнализация отключена, потому что хозяин в доме.

Да, такой привычки у нормальных обычных людей нет, а есть она у тех, кому часто приходится убивать. Или приходилось раньше. Они это дело хорошо знают и умеют. Значит, не ограбление? Но кабинет покойного перевернут вверх дном. И еще в одной комнате, где стоит стационарный компьютер, тоже все перевернуто. Это кабинет, а вторая комната похожа просто на общую, где обычно телевизор смотрят, вроде малой гостиной.

Да, опять у нас в высших эшелонах власти кто-то чего-то не поделил, подумал Гуров и вздохнул. Эх, старые добрые времена, когда он работал в МУРе, когда они с Крячко занимались особо опасными преступлениями, и их «клиентами» были в основном уголовники. А вот теперь, после того как Орлов перетащил их за собой в министерство, в Главное управление уголовного розыска, заниматься приходится преступлениями нестандартными, преступлениями на высоком уровне или против личностей, которые живут и работают на высоком уровне. Вот и это убийство уже на контроле в Главке МВД, хотя работать будет, как обычно, МУР.

Крячко вошел в комнату и сразу посторонился. Двое мужчин в синих спецкостюмах внесли носилки и стали распаковывать черный мешок для тела. Станислав подошел к Гурову и, усевшись верхом на стул, сказал:

– Во второй тоже кавардак. Что похищено, мы без хозяев не узнаем, но одна зацепочка есть. Там системный блок распотрошили, жесткий диск выдрали с проводами.

– Ты намекаешь, – перебил его Гуров, – что компьютер в той комнате предполагает наличие у покойного еще и ноутбука?

– Советник федерального министра! Думаю, что обязательно был. Компьютер для жены, ноутбук для него. – Крячко вдруг наклонил голову и показал пальцем на стол у окна, где на свету под этим углом зрения хорошо был виден чуть запыленный прямоугольник: – Кстати, а вот не там ли он и стоял?

– Интересно, что же их так заинтересовало в компьютерах этой семьи? – проговорил Гуров в пространство. – Наверное, какая-то информация, из-за которой и устроили такую стрельбу. Интересно, знали нападавшие, что у хозяина есть пистолет? Посмотри, если он стоял тут, где лежит, а они ворвались с оружием и заорали что-то типа «руки вверх», он мог одним движением вытащить его из... скажем, ящика в тумбе письменного стола. Наградное оружие бывшие офицеры, я думаю, в столе заряженным не держат.

– Сейф в стене распотрошили. Может, преступники его и не взламывали, может, хозяин сам открыл его, чтобы достать пистолет?

– Мог, – согласился Лев, – если увидел тело своего сторожа у входа в луже крови. Именно уже лежавшего, а не в момент, когда сторожа убивали. Увидел, сообразил, что человека убили, а калитка нараспашку. Подошел, вытащил, зарядил, а тут врываются или врывается некто.

– Учти, Лев, – встал со стула Крячко, подождал, пока вынесут из комнаты тело, и подошел к двери. – Учти, что хозяин дома стрелял первым. Во всем помещении только две пулевых пробоины. И обе возле двери в стене. А нападавший выстрелил лишь раз и сразу свалил его. Одним выстрелом.

– М-м-да, мастерски. Ну что, поехали на доклад? Все равно больше нам тут ничего не выжать без заключения экспертов. Очень хочется выслушать баллистиков-трасологов. Они могут на многое нам открыть глаза. Например, рост стрелка, характер оружия. Патрон, видимо, действительно отечественный, а вот оружие...

Генерал Орлов вошел в кабинет энергичным шагом, небрежно швырнул на стол папку, с которой ходил на доклад «наверх», и сразу уселся в кресло у окна.

– Давайте, ребята, – кивнул он сыщикам на другое кресло и мягкий угловой диван. – У меня буквально тридцать пять минут, и я должен уехать в аэропорт. Что мы имеем на данный момент?

Гуров удобно расположился на диване, забросив ногу на ногу, и начал докладывать:

– Собственно, имеем мы не так уж и мало. Сегодня, ориентировочно в половине двенадцатого дня, неизвестные в количестве не менее двух человек постучались в дверь коттеджа Станислава Ивановича Остапцева. По некоторым предположениям, преступники представились кем-то важным или знакомым хозяина, поэтому сторож или садовник Остапцева открыл им дверь и впустил на территорию. Этот сторож, которого звали Николай Игошин, был застрелен из 9-мм пистолета, предположительно отечественного производства. Застрелен профессионально. Одна пуля точно в сердце, вторая в голову – контрольный выстрел.

– Профессионалы, – пробормотал Орлов, – или, может, косят под профессионалов?!

– Мы со Станиславом ран от таких выстрелов видели достаточно. Думаю, что стреляли профессионалы, хотя окончательное слово скажут эксперты. Потом преступники взбегают по лестнице в дом, поднимаются на второй этаж и попадают в кабинет Остапцева, где он ждет их с оружием в руках.

– Наградной? Со службы?

– Так точно, – кивнул Лев. – Разрешение на ношение и хранение подлинное. Мы думаем, что Остапцев увидел в окно убитого Игошина и успел достать пистолет из сейфа. Это наградной «ПСМ» калибра 5,45. Но стрелял он хуже своих противников. Две пули, выпущенные предположительно из его пистолета, пробили стену возле двери на уровне груди человека среднего роста. Ответный выстрел попал ему точно в сердце.

– И тоже контрольный в голову?

– Так точно, и контрольный в голову. Пока ребята устанавливают место нахождения ближайших родственников, мы не можем сказать, что из дома пропало. Перерыто все основательно в двух комнатах, включая и кабинет Остапцева.

– Предположений нет? – спросил Орлов.

– Есть, – ответил Крячко. – Мы полагаем, что целью была в том числе информация, хранившаяся в цифровом виде. На рабочем столе в кабинете Остапцева просматривается след, наверное, от ноутбука. А во второй комнате из системного блока стационарного компьютера буквально по-варварски вырван жесткий диск.

– М-да, – пробормотал Орлов. – Картинка, конечно, складывается, хотя и я, и вы не любители поспешных выводов, сделанных на первых крохах информации.

– Крохи не крохи, но ты же сам знаешь, что первое впечатление бывает чаще всего правильным, – заметил Гуров.

– Знаю, и что же? – с интересом посмотрел на него Орлов.

– А то, что убит в своем коттедже советник федерального министра природных ресурсов и экологии. Похищена информация из компьютера и ноутбук. Первое же предположение, которое возникает на основании изложенного, – что причиной убийства является профессиональная деятельность Остапцева. Сфера вопросов министерства довольно часто соприкасается с криминалом на местах. Я велел сделать запрос в министерство, чтобы узнать, по каким именно вопросам был Остапцев советником.

– А вообще много у министров бывает советников? – поинтересовался Крячко. – И насколько весома эта фигура в правительстве?

– Я тебя, Станислав, расстрою, – улыбнулся Орлов. – Количество советников у министров не особенно регламентируется. Все зависит от работы министерства в данный момент, важности текущих проектов и тому подобного. Должности могут быть оплачиваемыми, а могут иметь и характер общественный. Льгот никаких. Обязанности? Обязанности вытекают из названия. Если хочешь представить себе эту работу, то вообрази большую комнату и с десятков умудренных опытом специалистов в самых разных областях, которые готовят министру справки, запросы, рецензии, тексты тематических выступлений, чаще в прессе, а не устно.

– То есть сколько направлений работы в министерстве, столько и советников?

– Не совсем. Специалистов по собственным направлениям у министра и в штате хватает, а вот по вопросам, с которыми министерству приходится сталкиваться периодически, но которые не связаны с его профилем, – специалистов под рукой иметь надо. Например, Министерству сельского хозяйства необходимо проработать вопрос с закупкой самолетов малой авиации для хозяйств или заключения долгосрочных контрактов с производителем. Держать авиационных инженеров или летчиков в штате? Нет смысла. И тогда обращаются к специалисту, который работает в авиационном ведомстве. И у него даже корочка есть, что он советник. Может же в штате советников иметься инженер высокой квалификации, который в состоянии организовать экспертную профессиональную оценку вопроса.

– Ясно, все зависит от министра и от министерства, – кивнул Крячко. – Одно понятно, что должность не статусная. Должность рабочей лошадки.

Гуров шел по коридорам МУРа и с удовольствием вспоминал молодые годы. Грустно? Да нет, скорее приятные воспоминания. Грустно бывает, когда ты вынужден покинуть рабочее место не по своей воле. По воле обстоятельств или по воле начальства. А тут...

– Станислав, – не оборачиваясь, позвал он идущего за его спиной Крячко. – Ты испытываешь чувство нежности к этим стенам?

– Нежности? – хмыкнул Крячко. – Это ты о чем? Что за нежность может быть к стенам? Или ты фигурально выражаешься? Как «дух отечества нам сладок»?

– Да, Станислав, ты всегда был прагматиком, – засмеялся Лев. – Тонкости тебе не хватает, тонкости. Ты должен идти, вспоминать молодость, а глаз твой должен увлажняться от умиления и приятности воспоминаний.

– Ты что, Лев, по молодости прошедшей затосковал? – настороженно спросил Крячко. – Стареешь, что ли? Жить надо движением! А движение это возможно только вперед. Чего же назад оглядываться?

– Ладно, вот и поговорили о молодости, – сразу стал серьезным Гуров, останавливаясь у двери с табличкой «старший оперуполномоченный майор Белецкий А. А.».

Увидев двоих мужчин на пороге своего кабинета, из-за стола торопливо вышел крепыш в форменной рубашке с погонами майора полиции, с легким налетом седины на висках.

– Товарищ полковник! Майор полиции Белецкий.

– Ну, – внимательно посмотрел ему в лицо Гуров, – собственно, да. Полковник Гуров. Вы меня знаете? Мы с вами встречались?

– Так точно, – улыбнулся майор и повернулся к Стасу: – А вы – полковник Крячко, Станислав Васильевич. Вы, наверное, забыли курсанта-стажера, который восемь лет назад под вашим руководством усваивал азы оперативной работы?

– Точно! – махнул рукой Крячко. – Чувствую же, что лицо какое-то знакомое. Я еще тогда советовал тебе поменьше улыбаться.

– Да, и я вспомнил, – сказал Гуров. – Саша, кажется?

– Так точно! И очень рад, что снова предстоит работать с вами и Станиславом Васильевичем.

– Значит, ты уже майор и старший опер. Молодец, я еще тогда в тебе талант настоящего сыщика углядел. А как тебя по батюшке, майор?

– Александр Александрович.

– Хорошо. – Гуров уселся в предложенное кресло и полез во внутренний карман пиджака за блокнотом. – Значит, ты, Сан Саныч, в курсе нашей задачи? Успели тебя ввести в курс дела?

– Да. – Белецкий сделал серьезное лицо и сразу стал выглядеть лет на десять старше. – Мне передали все ваши запросы, так что готов отвечать на вопросы и делиться первыми наметками по тому делу.

– Сколько человек вы подключили к делу?

– Пока двоих. При возникновении необходимости, думаю, мы можем задействовать и большие силы оперативного состава. Я так понял, что сверху уже начали нервничать и требовать результата. Руководство пойдет на все для ускорения розыска.

– Ну, нервность – плохая помощница в нашем деле, – усмехнулся Крячко. – А количество оперативников никогда еще определяющей роли в раскрытии преступления не играло. Так что с нашими запросами?

– Так. – Белецкий взял из папки на столе первый лист бумаги и начал выборочно читать, пропуская формальные фразы, не несущие практической информации: – Остапцев, Станислав Иванович, 1961 года рождения, уроженец Рязани. Полковник в отставке. Служба во внутренних войсках, с августа 1990 в штате Российского корпуса спасателей. С мая 1994 года и до отставки работал в ФГКУ «Центр по проведению спасательных операций особого риска «Лидер» МЧС России. Имеет государственные награды, благодарности от руководства Центра и МЧС, награждался ценными подарками за операции в Нефтегорске, Приозерске, Наро-Фоминске, Томске, Москве, Махачкале, Архангельске. Участник работы во время ликвидации последствий авиакатастроф под Абаканом, Черкесском, Сочи, Иркутском, под Батуми, Тверью, Чкаловском, на Камчатке. Был одним из руководителей операции на территории Чеченской Республики по развертыванию и обеспечению безопасности Территориального управления МЧС России. В частности, подразделения «Лидер» охраняли и обороняли пункты дислокации Территориального управления, объекты жизнеобеспечения Грозного, обеспечивали безопасность эвакуации беженцев, больных и раненых из числа местного населения, сопровождали гуманитарные конвои, ремонтно-восстановительные команды МЧС и медиков различных

ведомств. При выходе в отставку Остапцев награжден именным оружием – пистолет «ПСМ»... номер такой-то. Вот все, что касается его послужного списка.

– Хороший список, – кивнул Гуров. – Заслуженный офицер, отличный специалист. Но, прежде чем мы начнем ломать голову о возможных причинах убийства, которые лежат в пределах его прошлой профессии, хотелось бы узнать, чем Остапцев занимался в Министерстве природных ресурсов и экологии, будучи советником министра.

– Да, конечно. – Белецкий вытянул из папки еще один лист бумаги на фирменном бланке с правительственными реквизитами. – Вот ответ из министерства. Я вам все, наверное, зачитывать не буду, а только коротко суть. Значит... Остапцев готовил для министра информацию как эксперт по вопросам, связанным с обеспечением экологической и экономической безопасности РФ в сфере природопользования. Так... а еще в рамках разработки программ и методик по соблюдению рационального, непрерывного, экологически безопасного природопользования, сохранению всех компонентов окружающей среды от деградации и уничтожения. Работал также над подготовкой вопросов государственного контроля и надзора в сфере природопользования и охраны окружающей среды... выявления, пресечения и профилактики правонарушений, связанных с незаконным и нерациональным использованием природных ресурсов, с негативным воздействием на окружающую среду при осуществлении всех видов природопользования, в том числе экологически опасных.

– Да-а, – покачал головой Гуров. – А вопросы-то у полковника были непростые! Как-то сразу напрашивается вывод, что он мог мешать тем, кто не желал решения этих вопросов. Например, это било по доходам, как правило, скрытым от государства. А?

– Я тоже об этом подумал, когда первый раз читал, – согласился Белецкий. – Тут еще немного есть. Смотрите, Остапцев участвовал в разработке «Плана противодействия коррупции в Федеральной службе по надзору в сфере природопользования», принятого в сентябре 2008 года, а также доработке данного документа и приведении его в соответствие с типовым планом противодействия коррупции федерального органа исполнительной власти в июне 2012 года.

– Ну, как-то все из одной области, – вздохнул Крячко. – Если коротко, то господин советник работал в направлении борьбы с браконьерством, незаконным использованием природных ресурсов и нанесением вреда экологии в результате умышленных нарушений правил разработки недр, промышленного производства, сельскохозяйственного и так далее и тому подобное. Одним словом, противодействие криминалу в этой области. Вот вам и первая версия: ему предложили помочь протолкнуть решение, которое было бы на руку преступникам от природопользования или экологии, а он отказался. То есть причина в его профессиональной деятельности.

– Ну уж! – задумчиво потер бровь Лев. – Хотя там тоже немало денег крутится, развивается и незаконно получается и тратится. А если все-таки причина гораздо банальнее? Если это ограбление? Как, Сан Саныч?

– Пока у нас не будет родственников убитого, мы не можем определить перечень похищенного, да и вообще узнать, а похищено ли что-то?

– Этого мы можем и не узнать, – тихо проворчал Гуров, – потому что могли похитить нечто такое, о чем вообще никто ничего не знал. Ну, да ладно. Давай, Сан Саныч, что там с ближайшими родственниками?

– Ближайших родственников у убитого всего двое. Жена Инна Андреевна, 1969 года рождения, и сын Павел, 1989 года рождения. Жена, как мы успели выяснить, сейчас на отдыхе в Турции. Учитывая, что она в Москву возвращается уже завтра, я предлагаю пока ничего ей не сообщать. Мало ли что с ней может случиться за столько тысяч километров от дома. Вдруг у нее слабое сердце?

– Ну, может, ты и прав, – согласился Гуров. – Немного не по правилам, но по-человечески так, наверное, и лучше. А что с сыном?

– С сыном пока заминка. По сведениям наших коллег, Павел Остапцев прописан в доме отца. Но в процессе подворного обхода, когда мы задавали вопрос о Павле, несколько соседей заявили, что он с родителями не живет и только изредка навещает их. О его месте жительства никто не знает.

– Так-так, – заинтересовался Крячко. – Парню 24 года, а он уже живет отдельно. Интересно, а кто оплачивает ему квартиру, если он ее снимает? Деловой, видать, паренек.

– Станислав Васильевич, – пояснил Гуров, – уже выдал нам третью версию. Сын-преступник. Так, Станислав Васильевич?

– Примерно. Сынку, скорее всего, не хватает денег, у сына проблемы, а папа не помогает. Папе он надоел хуже пареной репы, и папа его послал в... определенном направлении. А сын знал о наличии в доме, каких-нибудь фамильных драгоценностях матери и тому подобное.

– Ну, это мы все выясним завтра, когда приедет Инна Андреевна, – добавил Гуров, – а пока придется этого Павла искать. И искать срочно.

– Учитывая мою версию? – спросил Крячко.

– И учитывая твою версию тоже.

Глава 2

Пока Крячко беседовал с местным участковым, Гуров еще раз перечитывал в машине копии «объяснений», взятых у соседей Остапцевых. Большая часть, фактически жилыцы двух десятков домов коттеджного поселка, ничего не видели и не слышали в день убийства. Те четверо, чьи объяснения сейчас читал Гуров, тоже не проливали свет на совершенное убийство, но они хотя бы что-то знали о Павле Остапцеве.

«...избалованный, как и все генеральские детишки. Особых скандалов я у них в доме не видела, но с лоджии своего коттеджа часто могла наблюдать, как Пашика на своей черной машине приезжает к родителям пьяным. Родители его никогда не ругают...»

Генеральские, мысленно повторил Гуров. Вот и оценивай объективность написанного, если эта женщина полковника в отставке называет генералом. Хотя, может, и нет в том ничего особенного. Все соседи, если только они не поддерживают дружеские отношения, не обязаны знать, в каком звании Остапцев вышел на пенсию. Кстати, а ведь в дружеских отношениях с Остапцевыми никто из соседей не состоял.

Ладно, запомним хотя бы то, что машина у Павла есть, и она черного цвета. ГИБДД сведений о машине в собственности Павла Остапцева не имеет. У самого Станислава Ивановича «Хонда» серого цвета, но она так и стоит в гараже. Его жена ездит на белом «Фольксвагене», но «Фольксваген» тоже в гараже. На чем приезжал Павел? На чьей машине?

«...о семье сказать не могу. Ровно живут, солидно. Муж – вроде бывший военный, жена, мне кажется, работает. Об их сыне Павле сказать ничего особенного не могу, потому что никогда с ним не общался. Мне как-то мой сын рассказывал, что Пашика с родителями жить не хочет, потому что они не понимают современной жизни...»

Так-так! Гуров вернулся глазами в начало документа и посмотрел на данные опрашиваемого. Годилин Петр Макарович, профессор МГУ. Ага, с сыном бы его еще побеседовать!

Крячко, держа над головой свою большую черную кожаную папку, торопливо топал по лужам к машине. Гуров удивленно посмотрел на потемневшее небо: когда же это дождь-то начался. Так увлекся размышлениями, что и дождя не заметил. Дотянувшись до ручки, он открыл напарнику дверь, и Стас шумно опустился на сиденье, грохнув дверью.

– Ух, как она не вовремя! Погода наша московская непредсказуема!

– Осторожнее, – проворчал Гуров, стряхивая капли с листов бумаги, – документы намочишь!

– Копии, Лев, копии. Мы их еще сделаем, – отмахнулся Крячко. – А вот участковому я от всей души руку пожал. Молоток, старлей! Есть номерок машины приятеля Павла Остапцева, он на него три месяца назад протокольчик рисовал. Я бы его личину по номеру машины и в участковом пункте установил, да у них там что-то сегодня со связью. Обрыв, что ли.

– Нам бы хоть одного реального знакомого установить, – задумчиво произнес Гуров. – Пока Павел Остапцев для нас единственная зацепка, если еще и не подозреваемый.

– Этого варианта сбрасывать со счетов не стоит, – согласился Крячко. – Есть у меня ощущение, что сынок покойного скрывается. Поехали к нам, займемся этим вопросом.

По дороге Стас пересказал свой разговор с местным участковым уполномоченным. Гуров размышлял о том, что не вошло в протоколы и в рапорта. Да и не могло войти, потому что прямых доказательств не было, были только мнения, разговоры на эту тему, сложившееся впечатление. Судя по всему, Павел Остапцев не отличался праведным поведением. Хотя откровенно отношения к криминалу не имел, но очень часто его фамилия упоминалась в связи с какими-то делами, отдающими авантюрой, с какими-то скандалами. То его фамилия попадала в протоколы об административном правонарушении, то судебные исполнители взыскивали с него

по решению суда за растрату казенных денег, то штрафовали его за незаконную предпринимательскую деятельность.

Парень ни разу не переступил черту между правонарушением и уголовным преступлением, но это ничего не значило. Либо еще не успел переступить, либо уже переступил, но государство об этом пока не знало. По крайней мере, наклонности были понятны. Поменьше поработать – побольше заработать, вылезти за счет других. Этого порой уже достаточно, чтобы подозревать человека в том, что он может переступить черту! Плюс образ жизни: отдельно от родителей, в неизвестной квартире, на чужой машине. Кстати, у родителей он, по отзывам соседей, появлялся очень редко.

Когда Крячко набрал номер приятеля Пашки Остапцева и спросил про Павла и место его жительства, тот некоторое время странно помолчал, а потом стал торопливо объяснять. Крячко эту странность заметил и сразу задал соответствующий вопрос. Парень ответил, что Пашка и в самом деле куда-то пропал. На встречу не приехал, телефон двое суток молчит. Домой он к нему не ездил, все некогда было.

– Сейчас сможете с нами туда проехать? – спросил Крячко. – Мы тоже подумываем, что с Павлом могла случиться беда.

– А вы так и не скажете мне, что за причина розысков? – вопросом на вопрос ответил приятель.

– Скажу, хотя пока и не следует это афишировать. Его отец погиб.

– Оп-а-а... – раздалось в трубке. – Вот это да... Хорошо, я сейчас подъеду. Буду ждать вас возле подъезда.

Серьезный коренастый парень, у которого в лице явно прослеживались казахские корни, повел Гурова и его помощников на второй этаж крайнего подъезда. Сыщики остановились напротив железной двери, изготовленной и окрашенной под дубовый массив. Над глазком в двери красовалась цифра «8», стилизованная под старую бронзу. Гуров нажал кнопку звонка и стал ждать.

Майор Белецкий, которого Лев попросил приехать в форме, привлекал внимание спускавшихся сверху жильцов. Один мужчина покосился на полицейского у двери, потом еще одна супружеская пара в возрасте. Когда прошло минут пять и стало ясно, что в квартире никого нет, помогла старушка с лохматым пекинесом на руках. Песик посматривал на всех веселыми черными бусинками и норовил лизнуть хозяйку в нос.

– Нет его, – проворчала старушка, неторопливо проходя мимо и продолжая спускаться по ступеням. – Уж который день нет. Слава-те-господи, наконец тишина в подъезде. Избави господь от такого соседа!

Гуров нахмурился и посмотрел вслед старушке. Потом подошел к двери, согнул руку в локте и локтем нажал дверную ручку. Дверь с тихим, но каким-то зловещим скрипом медленно открылась. Сыщики понимающе переглянулись.

– Ты – понятых, – коротко приказал Гуров Белецкому, – а ты, Станислав, звони в управление, и пусть они гонят сюда аллюром местного участкового.

Сам сыщик присел на корточки и стал осматривать сантиметр за сантиметром черный резиновый коврик у входа, порог, дверной проем. Любая мелочь, хоть чисто символический след может потом сыграть определяющую роль в расследовании. Квартиру могли не запереть по ошибке. В пьяном виде, например. Но опыт сыщиков подсказывал другое. Обычно вот такие незапертые квартиры таили в себе следы преступления, а то и сам труп. И вламываться туда без понятых, без подготовки означало заведомо уничтожить возможные улики.

Гуров слушал, как за его спиной Белецкий звонит соседям, беседует с ними, расспрашивает об этой квартире, ее жильцах. В двух квартирах высказались негативно. И музыка, мол,

частенько играет громче, чем хотелось бы, и девки всякие шастают. А живет в квартире парень лет двадцати или двадцати пяти. То ли купил ее, то ли снял, об этом никто ничего не знал.

Соседи столпились на площадке и галдели уже каждый о своем. Но тут, перешагивая через две ступеньки, снизу взбежал молодой высокий капитан полиции, остановился перед Гуровым и четко отрапортовал:

– Товарищ полковник, участковый уполномоченный, капитан Москвичев.

– Ну, пошли, Москвичев, – кивнул Лев. – Бахилы привез?

– Так точно. – Капитан полез в свою папку и вытащил несколько синих комочков.

Гуров вошел первым, внимательно глядя сначала под ноги, а потом уже по сторонам. Коридор был длинным и широким. В него выходили три двери. Первая дверь справа была закрыта. Рядом две узкие – санузел. Дальше – двуполая, с остеклением, скорее всего, гостиная. Последняя, видимо, кухня, дверь которой была распахнута настежь. Понятые замерли у входа, с опаской поглядывая по сторонам.

В кухне царил беспорядок. Такое ощущение, что кто-то очень неаккуратно готовил еду. И на рабочем столе, и на полу было рассыпано пшено, рис, макароны. Два навесных шкафчика открыты. На столе несколько выставленных банок соседствовали с кружками и кастрюлями. Если это обычный беспорядок для Павла, то аккуратностью он не просто не отличается, он ее в глаза не видел.

В гостиной все шкафы тоже были нараспашку, и это наводило на мысль уже не о неопрятности жилья, а о проведенном здесь обыске. Гуров и Крячко поспешили к третьей комнате, которая должна быть спальней.

Стас вытащил из кармана носовой платок и осторожно потянул дверную ручку на себя. Теперь никаких сомнений не оставалось. В этой комнате тоже кто-то что-то искал. И даже более интенсивно, чем в кухне и гостиной. Комната выглядела так, как будто тут прошелся ураган.

Гуров подозвал к себе приятеля Павла Остапцева и спросил:

– Надеюсь, ты не скажешь, что у Павла в квартире так всегда?

– Да-а, – протянул парень. – Тут как после Сталинградской битвы. Не скажу, что Пашка был такой уж аккуратист, но вот это...

– Тут явно что-то искали. Ты можешь предположить, что именно?

– Да откуда! – пожал плечами парень. – Я и был-то тут всего пару раз. Забежал на пару минут.

– Ты понимаешь, что Павел, судя по всему, пропал? Отец убит, сына нигде нет, квартиру переворошили вверх дном. Все складывается очень серьезно.

– Ну, правда, товарищ полковник, – парень для убедительности даже руки к груди прижал, – честное слово! Я и дел-то с ним никаких не имел. Так, тусовались вместе какое-то время. У меня есть деньги – я плачу, у него – он. А зарабатывали мы каждый по-своему.

– Ладно, но учти, что допросить тебя придется по всем правилам, – похлопал его по плечу Лев и повернулся к Белецкому: – Сан Саныч, займись квартирой. Установи владельцев или владельца, пусть каются, кому ее сдавали, где нам этого Павла теперь искать. И вот этого его дружка допроси хорошенько. Все контакты, абсолютно все. И всех отработать: кто и когда в последний раз видел Остапцева-младшего, чем тот занимался, где и с кем бывал, что у него за машина. Короче, сам все понимаешь.

Инна Андреевна Остапцева оказалась красивой стройной женщиной. Для своих сорока четырех она выглядела просто шикарно. А еще этот юный загар, это легкое платье с постоянно спадающей с плеча тонкой бретелькой, крепкие икры и округлые колени. И лицо. Полноватые губы, искрящиеся серые глаза. И легкие непослушные локоны, которые, кажется, еще должны пахнуть морем, жарким южным солнцем...

– Это вы меня ждете? – Инна Андреевна подошла вместе с представителем турагентства к Гурову и Крячко.

Наверное, сердце подсказывает, решил Гуров, всматриваясь в лицо женщины. Только о ком она думает? О сыне или о муже? Вот эту часть своей работы Лев терпеть не мог! Лучше... что угодно, только бы не быть черным вестником. Он помнил, как еще в бытность свою молодым лейтенантом ему пришлось выбирать из двух зол – или ехать поднимать из глубокой ямы на дороге легковой автомобиль и извлекать из него изуродованные окровавленные тела, или отправляться домой к одной из погибших женщин, чтобы сообщить ее двенадцатилетней дочери о гибели матери.

Тогда, по молодости и наивности, Гуров решил, что лучше поехать к девочке. И это стало ему уроком на всю жизнь. Нет ничего страшнее, чем лицо ГОРЯ! Оно даже страшнее лика СМЕРТИ, каким бы этот лик ни был. Еще тогда он остро понял, даже ощутил всем своим существом, что нет мук страшнее, чем муки душевные. Никакие физические страдания не идут в сравнение с терзаниями внутри человека. А уж смотреть на это, понимать, что страшную весть принес именно ты, – вдвойне неприятно.

Но сейчас в этой роли был огромный смысл, и ее предстояло исполнить. Гуров и Крячко отдавали себе отчет в том, что Инна Андреевна могла быть замешана в убийстве мужа. И мотивов сколько угодно, и нанять киллера просто, и сама в этот момент чудесным образом оказалась на южном курорте в Турции, на глазах десятков соотечественников. Алиби просто отличное!

Остапцева узнает о смерти мужа или сейчас, или спустя два часа. Тут ничего не поправить и не возратить. Но Гурову очень хотелось понаблюдать, как она поведет себя. Первая реакция очень важна для понимания внутренней позиции человека. Это одна из основ следовательской работы и работы сыщика. Гуров вспомнил случай с одним преступлением, которое он раскрыл за двое суток, хотя обычно такие преступления требуют работы бригады в течение доброго десятка дней, включая экспертов.

Это было еще в советские времена. Возле ресторана, где праздновалась свадьба сына руководителя местного «Плодовощхоза», был избит студент техникума. Парень получил удар в лицо от кого-то из подвыпивших гостей, упал и сильно ударился головой о бордюрный камень. В результате закрытой черепно-мозговой травмы студент впал в неменяемое состояние, которое могло закончиться для него инвалидностью, а может, и клиникой для душевнобольных.

Опрос гостей, возможных свидетелей на улице мог затянуться надолго. Но молодой тогда еще сыщик Лев Гуров сразу вычленил из всей группы возможных подозреваемых в нанесении рокового удара одного – заместителя главного инженера. Тот почему-то уже на следующий день после происшествия уехал в командировку в область. Более того, его почему-то никак не могло найти его же начальство. То он в одном хозяйстве, то уехал в другое, а то и вообще не приехал в него.

Гуров организовал задержание силами участковых инспекторов милиции в том районе, куда убыл в командировку подозреваемый. Подозреваемого привезли в Москву в восемь вечера. Но не в кабинет МУРа, а прямо к входу в клинику, где лежал госпитализированный потерпевший. Предварительно договорившись с главным врачом, Гуров сразу повел его в здание клиники. Подойдя к нужной палате, он не проронил ни слова, только посмотрел в глаза подозреваемому и, открыв дверь, завел его в палату.

Зрелище было не для слабонервных. И уж тем более для человека, который, как полагал Гуров, сознавал собственную вину перед потерпевшим. Парень вел себя буйно целые сутки. Срывал с себя одежду, абсолютно голый метался по палате, изредка затихая в объятиях обезумевшей от горя матери.

Жестоко? Лев не считал, что по отношению к преступнику так уж жестоко было показать ему плоды его пьяного «геройства». Ведь в тот злосчастный вечер парни подошли к ресторану

всего лишь купить сигарет, так как было уже поздно и магазины были закрыты, а их не пустили внутрь, потому что там гулял местный «овощной король» со своей свитой.

Бледный и понурый подозреваемый вошел следом за Гуровым в палату и побледнел еще больше. Растрепанный, со слюной вокруг рта, голый, с бешеными глазами, парень обернулся на звук открываемой двери и уставился... не на сыщика! Он впился глазами во второго мужчину и хрипло заорал:

– А-а! Ты! Ах, ты...

Гуров поспешно вытолкнул мужчину в коридор, схватил за грудки и притянул к себе. Но и этого уже не требовалось. Безумие потерпевшего, страшное безумие матери, которой как-то теперь придется с этим жить, все это буквально раздавило виновника беды... И он сознался, что ударил тогда студента. Почему? Пьяный был, решил показать удаль, когда остальные просто пытались вытолкать парней на улицу. Вышел из-за спин других гостей и врезал в челюсть. Парень упал и... вот. Показания он дал под роспись прямо в ординаторской. И прямо из ординаторской его отвезли в изолятор временного содержания.

Сыщик не имеет права на сантименты, и иногда приходится себе об этом напоминать. Как сейчас, например. Гуров посмотрел в глаза Инне Андреевне Остапцевой и произнес с подобающими интонациями:

– Простите, Инна Андреевна, что не сообщили вам вчера. Мы беспокоились о вашем состоянии, боялись, что вы просто не долетите до дома.

– Что? – коротко выдохнула женщина, и ее зрачки мгновенно расширились.

– Ваш муж, Станислав Иванович...

– Муж? – Женщина похолодела, и ее ноги подогнулись. – Станислав? Что с ним?

Последние слова были произнесены еле слышно, но Гурову показалось, что новость она восприняла не как страшное горе, а даже с каким-то облегчением. Ждала, что скажут о Павле? Все мысли только о непутевом сыне?

– Он погиб, Инна Андреевна, – мягко проговорил Лев. – Пойдемте, мы отвезем вас домой.

Она сникла, молча позволила взять себя под руки и на слабеющих ногах умудрилась-таки выйти из здания аэропорта. Крячко уже подкатил машину ко входу. И только когда они отъехали, Остапцева снова заговорила, глядя невидящими глазами перед собой:

– Как это случилось? Авария?

Лев смотрел на ее окаменевшее лицо и размышлял. Обычно в таких ситуациях женщины кидаются сразу требовать рассказа, как и что произошло. Как это вообще могло случиться! А тут явный ступор. Ничего необычного, бывает и так, но все же странно. Погиб человек, с которым она прожила большую часть своей жизни, и такая вот реакция?

И Гуров стал рассказывать. Тихо и неторопливо. Он сразу предположил, что это было ограбление, отметил, что Станислав Иванович вел себя как настоящий мужчина и офицер, что он погиб с оружием в руках и что смерть его была не мучительной. А потом вдруг поймал взгляд Крячко в зеркале заднего вида и подумал – а ведь Стас ей не верит. Что он там разглядел в заплаканном лице несчастной женщины? В любом случае сегодня от Инны Андреевны толку никакого не будет. Она ничего не вспомнит, даже с мыслями не соберется.

Остаток дня Гуров посвятил работе в Министерстве природных ресурсов и экологии. Через заместителя министра генерал Орлов организовал эту встречу, и теперь Гурова там ждали на своих рабочих местах почти все советники министра. Уж они-то должны были знать Остапцева, они с ним общались, многие были знакомы с ним не один год и вне стен министерства. Порой сведения, полученные от старых знакомых, дают несравненно больше, чем самое тщательное наблюдение.

Гурову выделили небольшой кабинет в общем коридоре. Наверное, тут находилось рабочее место какого-нибудь консультанта по хозяйственным вопросам или вообще завхоза,

если таковой имелся. Маленький кабинет метров шести, отделанный пластиковыми панелями под дерево, одно маленькое окно, выходящее во двор. Тихо, даже как-то уютно, располагает к неторопливой беседе. Гуров пробежался глазами по списку советников, галочкам, проставленным напротив каждой фамилии, указывающей, что он сейчас на месте, и по кругу вопросов, к которым данный советник имел отношение. В конце списка была и фамилия Остапцева.

В кабинет к Гурову стали заходить люди, в основном мужчины в возрасте за сорок пять. Умудренные, как правило, кандидаты наук. Про Остапцева никто ничего вразумительного сказать не мог, только осторожно пожимали плечами, беспокоясь, как бы это пожатие плечами не было расценено как кощунство и неуважение к покойному. И только пятой по счету вошла женщина, миловидная, лет сорока. Она знала Остапцева довольно хорошо. Именно он привел ее в министерство, он порекомендовал ее министру.

– Так сколько вы его уже знаете, Ольга Николаевна? – спросил Гуров.

– Знала, – грустно поправила женщина. – Теперь уже знала. А так... наверное, лет десять. Он когда еще в «Лидере» служил, они приезжали к нам в институт по поводу испытания приборов. Знаете, есть такие корректоры, под завалами помогают людей находить?

– Знаю, – ответил Гуров. – А какие у вас сложились отношения?

– Отношения? – Карие глаза полыхнули темным огнем. – Это вы сейчас деликатно попытались выяснить, а не были ли мы любовниками?

– Моя работа, Ольга Николаевна, не располагает к деликатности, – произнес Гуров. – Она требует иных качеств. А насчет вопроса, о котором вы упомянули, я хотел задать его чуть позже, если бы у меня остались подозрения.

– Ага, деликатности ваша профессия все же учит, – улыбнулась женщина. – Ладно, чего уж там! Давайте начистоту. Станислав мне нравился. Как мужчина нравился, но я никогда не делала шагов навстречу, и он не делал. Признаюсь, были у меня опасения, что, перейдя на работу сюда, я подвергнусь с его стороны определенному давлению, что он будет меня склонять к интимным отношениям.

– Вот как? – удивился Гуров. – И это при том, что у вас ни на словах, ни на деле даже намек в этом направлении не было, по вашим же словам.

– А я умею читать по глазам. Знала: дай лишь повод, и он станет помогать.

– Хорошо, тогда проверим ваше умение читать по глазам, – предложил Гуров.

– Да, пожалуйста, – шевельнула идеальными бровями Ольга Николаевна. – Вы сейчас заведете разговор о его жене.

– Убедили, – улыбнулся Гуров. – Определенные таланты в вас действительно присутствуют.

– Да не была я его любовницей, – рассмеялась она, – успокойтесь, не была. Почему? Не потому, что я такая праведная, а потому что не предложил.

Еще двое советников прошли перед Гуровым, хмурясь и нервно куря. Эти тоже мало что могли сообщить о своем коллеге Остапцеве и о его семье. Работали рядом почти год, но у каждого свое дело, своя тема, и как-то... Кажется, даже толком не разговаривали. На совещаниях сидели рядом, пару раз корпоративные вечеринки случались, но советникам туда ходить как-то не принято.

И, наконец, в комнату вошел высокий мужчина лет сорока пяти с седыми висками. Он чуть припадал на одну ногу, но не пользовался палочкой или тростью. По-военному вытянулся, но представился просто – Голубев.

– Садитесь, Голубев, прошу вас, – предложил Гуров, делая последние пометки в блокноте после предыдущей беседы. Отложив блокнот и ручку, он внимательно посмотрел в лицо новому свидетелю: – Скажите, Голубев, вы хорошо знали Остапцева?

– Лично я его знал не очень хорошо. Но поскольку мы служили когда-то в одном подразделении, то я осведомлен об отношении к нему сослуживцев.

– Вы тоже служили в МЧС?

– Так точно. И когда случилось... когда во время одной из операций я повредил ногу и был признан медицинской комиссией негодным к службе, Остапцев предложил мне перейти сюда. Даже с министром обо мне лично разговаривал.

– Понятно. Вы знакомились с работой Остапцева здесь, в министерстве?

– Думаю, что тут ни у кого нет ни времени, ни желания знакомиться или просто любопытствовать, чем занимается его коллега. Разумеется, за исключением тех случаев, когда тема работы совпадает. А так... просто времени нет. Все загружены по самые уши.

– Понятно. О семье Остапцева у вас такие же смутные представления, как и о его работе?

– Нет, вот с семьей Станислава Ивановича я знаком. Еще когда устраивался сюда, почти месяц жил у них. Ждал решения вопроса с жильем.

– И как вам семья?

– В каком смысле? – удивился Голубев, но потом военная привычка взяла верх, и он стал отвечать: – Семья нормальная. Сын не совсем в отца пошел, нет у него той хватки, основательности, что у отца. Легковесный какой-то. А так, Пашка парень хороший.

– Станислав Иванович изменял жене?

– Станислав Иванович? – удивился еще больше Голубев. – Н-нет, думаю, что не изменял. Да и вообще не было у него какой-то особой непреодолимой тяги к женщинам. По крайней мере, со мной он никогда на эту тему не разговаривал.

– А жена?

– Простите? Что, жена?

– Жена Остапцеву изменяла?

На какое-то время Голубев замолчал, глядя на сыщика. Молчал он странно, словно мысленно примеривал к жене коллеги этот ярлык. Наконец, опустив голову, ответил:

– Трудно сказать. Что мне бросилось в глаза в их отношениях, это какая-то свобода. Даже не так! Теплоты в отношениях я не замечал, близости духовной. Знаете, как говорят, что любили друг друга и умерли в один день. Видел я пары, которые до самой старости в прямом смысле пылинки друг с друга сдували, пледики подтыкали, под руку хватали при каждом удобном случае, а вдруг оступится. Так вот это не про них. А насчет измены не знаю, фактов у меня нет, подозрений тоже. А гадать... знаете, офицерская честь не позволяет.

– Хорошо, Голубев. Я понял вас.

Раньше девяти вечера собраться в кабинете генерала Орлова сыщикам не удалось. Шеф, массируя себе большим и безымянным пальцами правой руки лоб, левой держал возле уха трубку и монотонно повторял с интонациями автомата:

– Так точно... конечно... Безусловно... Так точно... Я отдаю себе отчет... Ни одного лишнего дня мы не потратим. Розыск ведется лучшими сотрудниками уголовного розыска... Так точно... конечно... Безусловно... Я полностью отдаю себе отчет... Так точно.

Крячко, входя следом за Гуровым в кабинет, многозначительно кивнул на Орлова. Лев грустно развел руками. На эту тему было уже столько сказано, что оба понимали все без слов.

– Давят? – с усмешкой спросил он, когда Орлов положил трубку.

– Это ли давят, – поморщился генерал от головной боли, продолжая массировать голову теперь уже двумя руками. – Это так... придавливают. Я, ребята, став генералом, полюбил ночи.

– За что? – не понял Крячко. – За то, что во сне тебя начальство не трогает?

– Во сне... Работать по ночам хорошо! Спокойно. А причину ты угадал, именно потому, что начальство по ночам не трогает. Можно с головой погружаться в работу, зная, что тебя никаким звонком никто не собьет. Хотя у них тоже там ночные бдения бывают. Ну, ладно, что у вас?

– Распутываем клубок житейских хитросплетений, – ответил Крячко. – Роемся в жизни убитого, жизни его семьи, пытаемся найти сына. Жену нашли, но она, сам понимаешь, сегодня в таком состоянии, что разговаривать с ней бесполезно.

– Версии? – коротко спросил Орлов.

– Версии все те же, но с вариациями, – сказал Гуров. – Убийство с целью ограбления, убийство, связанное с должностными обязанностями Остапцева, с целью воздействовать на некие процессы, происходящие по линии Минприроды, ссора с сыном, который, по нашим сведениям, слыл далеко не паинькой. Тут уже возможны вариации: сыну нужны деньги, отец не давал. Сын знал, где у отца хранится нечто ценное, что можно продать за большие деньги, отец застукал сына за этим занятием.

– А как в эти рамки укладывается убийство садовника?

– По времени оба убийства совпадают, а какое из них совершено первым, мы можем подтвердить лишь косвенно. Условия нахождения тел, условия сворачиваемости вытекшей крови разные. Объяснить можно и притянуть за уши к любой версии. Даже к той, что некто убил отца, потому что искал либо сына, либо что-то принадлежащее сыну. Я к тому, что квартира Павла так же была перерыта.

– В плане работы все три версии отразили? – Орлов кивнул на папку, лежавшую на столе перед Крячко.

– Все, – ответил Станислав. – Одна связана с Инной Андреевной Остапцевой. Сложилось впечатление, что супруги жили далеко не душа в душу.

– Неверность? – удивился Орлов. – Она что, могла застукать мужа с любовницей? А потом имитировать следы ограбления?

– Есть варианты и поинтереснее, – вставил Гуров. – Любовник жены убивает мужа с целью вступить во владение его имуществом после заключения нового брака с вдовой. Мало у нас подобных случаев в практике было?

– Ну, возразить тут сложно, – согласился Орлов. – Реально, что у вас первоочередным стоит в плане работы?

– Розыск сына – безусловно. Отработка версии его причастности или причастности его знакомых. Затем, установление факта наличия любовника у Инны Остапцевой. Отработка версии либо ее причастности, либо непричастности, если это инициатива лишь ее любовника. И третье, опишь возможно похищенного имущества и других материальных ценностей, если таковой список у нас получится. Отработка каналов сбыта, аналогов почерков, подключение агентуры для разработки «по окраске»¹. Ну, и отдельно придется заняться прошлой работой Остапцева в МЧС. Он служил почти с самого его основания в центре «Лидер», и вполне возможно, что по той службе кто-то ему давно хотел отомстить. И нынешнее место его работы придется анализировать. Много выходов у него было на криминал. Сам он ничего не решал, но информацией мог владеть. Информацией, опасной для кое-кого.

– Ну, что же. – Орлов откинулся на спинку кресла и задумчиво посмотрел на сыщиков. – В целом все направления я считаю реальными. Версии принимаются. Я бы посоветовал вам не откладывать в долгий ящик анализ неопознанных трупов.

– Займемся и этим. Теперь у нас есть жена Остапцева, только не многовато ли для нее одной столько горя?

– Смерть мужа она перенесла относительно стойко, – напомнил Крячко.

– Стас, это не факт. Это всего лишь первая реакция. Хотя я согласен, ждал более бурной реакции.

---

¹ «Окраска» – воровская специализация. Карманники, домушники, майданники, сбытчики краденого и т. п. (сленг оперативников). На воровском сленге – «масть».

– Ну, вы в это не упирайтесь, – посоветовал Орлов. – Мало ли как у женщин бывает. Помните помните, но во главу угла женскую реакцию я бы ставить не стал.

Утром Крячко вылетел в Забайкалье. Последнее совещание они провели уже без Орлова и решили разделиться. Майор Белецкий активизирует своих оперативников, агентуру и займется активным розыском Павла Остапцева, а также информацией в криминальной среде, касающейся убийства Станислава Ивановича Остапцева. Гуров займется разработкой версии причастности к убийству любовника Инны Остапцевой, а Крячко отправится на восток и попробует разобраться с одним из последних дел Станислава Ивановича Остапцева в министерстве. Оно было единственным за последние несколько лет, когда в результате деятельности советника министра пострадал кто-то из местных предпринимателей, пытавшихся получить прибыль с помощью нарушений природоохранного законодательства.

Список группы, которая вылетала в Турцию десять дней назад и в составе которой была Инна Остапцева, Гуров получил через час. Шестнадцать человек, покупавшие путевки в московском офисе и летевшие одним чартером. Правда, там же летели отдыхающие и из других городов. Всего туристическая фирма оплатила пятьдесят два номера в отеле. Из этих пятидесяти двух человек Инна могла сдружиться с любым. И с любым могла поссориться.

Ладно, решил Гуров, начнем работать с этими шестнадцатью москвичами. Что тут имеется? Шесть мужчин: четверо в возрасте до тридцати и двое в возрасте за пятьдесят. Десять женщин, из которых в возрасте до тридцати семеро, а остальным за сорок пять. Так, адреса, места работы. С кого начать? Естественно, с женщин. Если была неприязнь, наоборот, восторги, то это от женщин. Мужчины могли вообще на Остапцеву внимания не обратить.

Список адресов и мест работы Гуров составил в том порядке, в каком собирался встречаться с туристами, отдохавшими в Турции. Четверо оказались на севере Москвы, трое в пределах Садового кольца, пятеро на юго-востоке, остальные на юго-западе и западе. Двигаться удобнее было по часовой стрелке.

Первые две женщины, к которым Гуров заявился на работу в офисы, пожимали плечами и удивленно вскидывали брови. Инна? Инна Андреевна? Да... вроде была такая, невысокая, фигуристая. Нет, они жили в разных частях отеля и с ней за время отдыха почти не встречались. Наверное, с кем-то дружила, с кем-то проводила время, раз летела одна.

Удивила Гурова пятая из опрашиваемых. Молодая худощавая брюнетка с тонкими поджатыми губами. Эта как-то даже хищно оскалилась, как только Гуров упомянул об Инне Андреевне и стал ее описывать.

– Эта хабалка? Как же, забудешь таких. Она еще в самолете устроила нам «культурную программу». Я через два ряда от нее сидела и все видела. И слышала.

– А что там произошло? – заинтересовался Гуров.

– Я не знаю, из-за чего и с кем она там сцепилась, но женщина очень неприятная. Думаете, я не понимаю, да? Раз такими, как она, полиция интересуется, то есть причина!

Женщина поджала губы еще больше, и они превратились в тонкую ехидную ниточку. Гуров так и не добился от этой дамы, а что же произошло в самолете. Помогли следующие три свидетельницы, которые видели, как Инна Остапцева делала замечания сидевшему рядом с ней мужчине. Как-то он себя не так вел или что-то не то сказал. Получалось, если верить этим четверым, Остапцева перессорилась с половиной группы за время отдыха. С кем-то еще в самолете, с кем-то в отеле или на пляже. М-да, раз столько злых языков выражают свое презрение к Остапцевой, они не промолчали бы, если бы стали свидетелями ее амурных дел во время отдыха в Турции.

И тут что-то шевельнулось внутри у сыщика. А не ошибается ли он? Обычно женщины очень охотно обсуждают амурные дела мужчин, даже если они лично ничего против этих мужчин не имеют. А об амурных делах женщин... табу!

– Скажите, – строго и внимательно посмотрел в глаза брюнетке с поджатыми губами Лев, – Инна Андреевна имела во время этого отдыха связь с мужчиной?

– Простите, товарищ полковник, но вы задаете...

– Я задаю, – перебил он женщину, – вам вопросы не из праздного любопытства. И не для того, чтобы в курилке с другими полковниками обсуждать полученные от вас сведения. Вы в самом деле полагаете, что мне нечем заняться, что я ради собственного удовольствия расспрашиваю десятки людей о пустых вещах? Давайте-ка мы с вами вернемся в серьезное русло начала нашего разговора.

– Извините, – отвела глаза женщина. – Я просто к слову...

– Так был у Инны мужчина?

– Был, – нервно дернула она плечом. – Только такие вещи не принято обсуждать. По крайней мере, у нас, у женщин.

Еще четверо опрошенных подтвердили, что Инна Остапцева большую часть времени проводила в обществе одного из отдыхающих. Называли его в группе все не иначе как Алик, это было уменьшительное от Альберт. В составе группы был лишь один Альберт – Альберт Владимирович Костырев, 52 лет, проживающий в Наро-Фоминске. Гуров еле сдержался, чтобы сейчас же не отправиться в Наро-Фоминск. Сначала надо подготовиться. Двое суток прошло, и еще один день ничего не решит.

Глава 3

– Инна Андреевна! – Гуров деликатно присел на край дивана, облокотившись локтем о боковинку. – А кто эта женщина? Ваша подруга?

Речь шла о женщине, которая впускала Гурова в дом и которая явно вела себя здесь по-хозяйски. По крайней мере, на ней был передник, а со стороны кухни, когда сыщик проходил через холл первого этажа, пахло свежей сдобой. Привозить тело погибшего мужа Инна Остапцева явно не собиралась. Значит, из морга сразу в крематорий. С одной стороны, в этом есть свой оправдывающий момент, но Гурову не хотелось думать о каких-то оправдывающих моментах. Есть долг перед покойным, есть просто уважение к памяти человека, которое предписывает традиционное прощание с телом в доме. Увы, часто это уже не соблюдается.

– Это Анна, – тихо ответила женщина, степенно сложив на коленях руки с замусоленным носовым платком. – Моя двоюродная сестра. Единственная из близких родственников, кто у меня остался. Павлика вы ведь тоже найти не смогли.

– Мы ищем, Инна Андреевна. Мы обязательно его найдем. Так что рано вам отчаиваться. И простите, что в столь скорбную минуту я вновь докучаю вам своим присутствием, но такова моя работа. И, помимо прочего, есть вещи, которые знаете только вы, а мне для работы и успешного розыска преступников нужна информация. Поэтому прошу вас взять себя в руки и помочь мне, ответив на несколько вопросов. Поверьте, это важно.

– Да. да... Я понимаю, Лев Иванович, – кивнула она. – Что вы хотели узнать?

– Скажите, а многие ли люди знали о наличии у вашего мужа пистолета?

– Ну, я даже не знаю, как вам ответить. Мы как-то не разговаривали на эту тему. Ну, был он и был. Как наградили его за долгую и безупречную службу в МЧС, так и хранил он его дома в сейфе. А обсуждал ли с кем-то... Сослуживцы, наверное, знали.

– Вы имеете в виду сослуживцев по МЧС или нынешних сослуживцев по гражданскому министерству?

– Не знаю, – шевельнула плечами Остапцева.

Она действительно не знала, и вопрос сыщика был чисто дежурным, заданным на всякий случай. Он обязан был спросить, потому что это был важный момент. Если все окружающие знали, что у Остапцева есть пистолет, то, организуя его убийство и ограбление, люди из ближайшего окружения учитывали бы этот факт. А те, кто стрелял в него, явно не рассчитывали на такое активное сопротивление, да еще с применением огнестрельного оружия. Отсюда и два вопроса! Либо организаторами нападения были люди, далекие от окружения Остапцева, не знавшие его и его семью, либо в окружении Остапцева никто не знал об оружии. Понятно, что тут крылась бы подсказка сыщику, получи он однозначный ответ на этот вопрос. Вот среди советников министерства о наградном оружии у Остапцева не знал никто. Даже его протеже Голубев.

– И еще, Инна Андреевна, вас сегодня следователь просил определить, что пропало в доме после этого нападения.

– Да, конечно, – кивнула женщина. – На первый взгляд вроде все на месте. Правда, я недостаточно тщательно смотрела... Хотя в доме как-то и не хранилось значительных ценностей. Наличие в большом количестве мы не держали. Для этого у всех были банковские карточки, а банкоматы у нас на каждом углу. Золото... Я как-то не очень любила магазинные украшения. Разве что кое-какие побрякушки на каждый день, но они особой ценности не представляют. Так, сережки за пару тысяч, да колечко тысяч за пять.

– Вы такая представительная женщина, – вежливо улыбнулся Гуров. – Жена заслуженного полковника, и вдруг такое равнодушие к украшениям!

– Почему равнодушие? Украшения у меня есть, и очень дорогие, фамильные. Они передаются в нашей семье по женской линии. Но муж как-то сразу настоял на том, что их не стоит хранить дома. Тем более что надевала я их только по особенным случаям и очень редко. Они хранятся в банковской ячейке.

Вот и подсказка для версии с ограблением, подумал Гуров, понимая кивая головой. Могли, ой как могли неизвестные покушаться именно на эти фамильные украшения. Судя по скупому описанию Инны, они тянули на несколько миллионов рублей, и, если верить ее словам, возраст большей части украшений – лет двести, если не больше. Вполне возможно, вполне!

И снова виток вопросов. На этот раз – о Павле. Знает ли она имена, фамилии и адреса его ближайших друзей. Увы, Инна Остапцева ничего не знала о друзьях Павла. Или он был скрытым, или... она не особенно интересовалась, какой жизнью жил ее взрослый сын. И это было вполне возможным, подтвердись до конца версия с ее любовником. С фактом того, что у нее мог быть любовник.

– Слушай, Белецкий. – Гуров остановился у ворот, выйдя из коттеджа Остапцевых, и набрал номер своего помощника из МУРа. – Есть у меня к тебе один вопрос.

– Да, Лев Иванович, – оживился майор. – Появились новые сведения?

– Появился новый вопрос. Ты знаешь, что у Инны Андреевны Остапцевой имеются фамильные драгоценности? Причем, насколько я мог судить по описанию, на очень, учти, очень большую сумму.

– По чьему описанию? – несколько опешил майор.

– По ее собственному, Сан Саныч. Я уговорил Инну Андреевну завтра съездить в банк и удостовериться, что с драгоценностями в ячейке все в полном порядке. Но попутно у меня возникли некоторые подозрения...

– Что преступники охотились именно за ними? – сразу же добавил Белецкий.

– Естественно. И в этой связи начинка, дружок, отрабатывать со своими орлами окружение покойного Остапцева. Супруга отставного полковника появлялась в этих драгоценностях редко и только по значимым событиям. Думаю, что видеть их могли люди с высоким положением, а еще обслуживающий персонал этих мероприятий. Понимаешь, куда я?

– Так точно, Лев Иванович, – задумчиво произнес майор. – Идею понял. Только скажите, а зачем вам понадобилась проверка сохранности драгоценностей в банке, раз они, как вы говорите, находятся там на хранении по договору аренды ячейки?

– Видишь ли, Сан Саныч, – невесело рассмеялся Гуров. – Тут есть два сомнения. Точнее, опасения. А не темнит ли Инна Андреевна, что драгоценности в банке, не она ли с сообщниками имитировала их кражу? Пока, правда, не знаю, как она хотела получить страховку в этой глупой ситуации. Есть и еще одно сомнение. Вдруг у нее что-то с головой, и она забыла, что забирала их из банка и забыла вернуть. Бывает всякое, а если мы установим, что драгоценности похищены, тут уж нам и карты в руки. Это не дешевые безделушки, это произведения искусства. Их так просто не продашь, они обязательно мелькнут. Такие вещи не спрячешь. И придется тебе срочно включать всю агентуру, нацеливать на эти цапки. Да, и проверь, существует ли у Остапцевой страховка на какие-то ценности.

Альберт Владимирович Костырев служил в Наро-Фоминской городской администрации в отделе строительства и ЖКХ. Машина, зарегистрированная на его имя, а также квартира, в которой он был прописан, говорили о том, что живет Альберт Владимирович, не испытывая особой нужды. А учитывая обычный уровень зарплат в Подмосковье на подобных должностях, он еще и не испытывал особых угрызений совести. Черный кроссовер с тонированными стек-

лами стоил больше полутора миллионов, судя по предложениям автосалонов, а трехкомнатная квартира в новом доме с улучшенной планировкой, и того больше.

Пройти пост охраны любой городской администрации даже с полковничьим удостоверением МВД сложно. Чиновник в нашей стране предусмотрителен, он даже для таких высокопоставленных офицеров силовых структур все равно ввел предварительный запрос и пусть формальный, но пропуск. Мало кто знает, что по закону постовой не имеет права препятствовать проходу в здание офицера полиции при исполнении им своих профессиональных обязанностей. Другое дело, кто из них двоих окажется решительнее. Или наглее. В любом случае разбираться потом будут начальники наверху, а работать надо здесь и сейчас. И нет времени заказывать пропуск, объяснять, для каких целей. Тем более рассказывать кому-то, что цели чисто оперативные. Тебе же скажут, чтобы вызвал нужного человека повесткой, а не выделялся на посту охраны.

Гуров просто приехал в городскую администрацию в форме. И просто не пошел через главный вход, а зашел со двора, где есть еще одна дверь, которой пользуются водители служебных автомашин администрации и технические работники. Никому не пришло бы в голову остановить входившего через эту дверь человека в форме полковника полиции. Раз входит, значит, надо.

Костырева сыщик знал по фотографии, которую ему прислали из паспортного стола, а заодно он присмотрелся к этому человеку на нескольких снимках, сделанных в Турции во время его отдыха несколько дней назад. Гуров узнал бы его, но действовать он решил иначе. Остановив в коридоре девушку, с виду неопытную, возможно, даже недавно работающую здесь, извинившись и сделав серьезно-строгое лицо, он кивнул на нужную дверь и попросил вызвать в коридор Костырева.

Несколько удивленный, но все же не потерявший важности, тот вышел в коридор в хорошем костюме и дорогих ботинках. Гуров, который только в прошлом месяце подбирал себе с Марией ботинки в бутике для нового костюма, еще не забыл цен. Эти, что красовались на ногах простого сотрудника отдела строительства и ЖКХ, стоили около пяти тысяч.

– Это вы? – спросил Костырев незнакомого полковника. Причем на его лице пробежали тени сразу нескольких мыслей и настроений – от настороженности до неудовольствия.

– Что «я»? – поинтересовался Гуров, глядя чиновнику в глаза.

– Вы меня искали?

– Полковник Гуров. – Сыщик неторопливо вытащил из кармана и развернул перед глазами Костырева служебное удостоверение. – Главное управление уголовного розыска МВД Российской Федерации. И я вас не искал. Я прекрасно знаю, где и кем вы работаете. А попросил вызвать сюда, чтобы раньше времени не пугать ваших коллег. Где мы можем с вами поговорить? Надеюсь, не в кабинете при всех?

– О чем вы хотели со мной поговорить? – все еще хмурясь, спросил Костырев. Он так и не решил, как себя вести с этим полковником.

– Что значит, «хотели»? – усмехнулся Гуров. – Почему в прошлом времени? Я и сейчас хочу. Ладно, пойдемте вон туда, около эркера есть мягкий диван. Дело очень серьезное, поэтому прошу вас отнестись к моим вопросам максимально внимательно.

– Ничего не понимаю, – проворчал Костырев, но послушно поплелся за Гуровым. – В чем, собственно, дело? Может, вы мне объясните? Мне работать надо, а вы тут со своими загадками.

– Садитесь, – остановившись возле диванчика, сделал приглашающий жест рукой Лев. – А что касается вашей работы, то я ведь могу и официально обратиться к вашему начальству. Но я пока решил побеседовать с вами наедине, без свидетелей из числа местной администрации.

Костырев сел, забросил ногу на ногу и полез в карман за сигаретами. Гуров уселся напротив. Он любил видеть лицо, а главное – глаза собеседника. Особенно собеседника в вопросах оперативного розыска.

– Я прошу вас отвечать на мои вопросы честно и максимально охотно, Альберт Владимирович. И еще я прошу отвечать даже в том случае, если мои вопросы будут вас удивлять. Вы же не знаете, по какому вопросу я к вам приехал. Не станете отвечать, придется вызвать вас официально и под роспись уведомить об ответственности за отказ от дачи показаний.

– Да понял я, понял! Что вы от меня хотите?

– Ответов, – отрезал Гуров. – Итак, ваше семейное положение?

В глазах Костырева мелькнуло неудовольствие. Он явно чувствовал себя неудобно, чего Гуров и добивался своим туманными угрозами и намеками. Главное при подготовке таких вот бесед – вывести собеседника из состояния уверенности в себе.

– Что «семейное положение»? – затягиваясь сигаретой, спросил Костырев. – Женат!

– Дети?

– Есть дочь, живет с нами, она не замужем, – с нервной торопливостью затараторил Костырев.

– С женой у вас хорошие отношения? Живете душа в душу?

– Черт возьми, это-то почему вас интересует?!

– Я предупреждал, что вопросы могут быть самыми неожиданными, – спокойно ответил Гуров. – Так будем отвечать, или мне вас официально препроводить в ближайшее управление полиции? Я имею право на принудительное ваше направление, как отказывающегося давать показания. Но там, предупреждаю, разговор будет другой.

Костырев хмуро, буквально в две затяжки, докурив сигарету и без стеснения полез за второй. Кажется, он махнул рукой на то, что «теряет лицо». Закурив вторую сигарету, выпустил дым тактично в сторону и хрипло выдавил из себя:

– Нормальные отношения у меня с женой, как у всех.

– Разводиться с ней не собираетесь?

– Чево? – совсем уж несолидно поинтересовался Костырев и вытаращился на Гурова. – Вы куда клоните? Вас моя жена интересует?

– Нет, меня вы интересуете, – заверил Лев. – Меня интересуют ваши похождения во время последнего отдыха в Турции...

– Что? – Костырев осекся и замер с сигаретой в правой руке.

– Послушайте, – устало произнес Гуров. – У меня нет ни времени, ни желания пререкаться тут с вами и смотреть, как вы строите из себя чиновника высокого ранга. Я вам не представитель подрядной организации, не завхоз магазина, который не организовал уборку территории по «красную линию». В каких отношениях во время совместного отдыха в Турции вы были с гражданкой Остапцевой Инной Андреевной? Ну?

– Черт... – пробормотал Костырев и снова затянулся сигаретой. – Вот и верь после этого людям. Вы что, из полиции нравов? У нас вроде такой нет.

– Отвечайте, – брезгливо поморщился Лев.

– В хороших я был с ней отношениях, – буркнул Костырев. – Дружеских.

– Двадцать с лишним человек, прилетевших с вами из Москвы и проживавших в одном отеле, рассказали, что вы были в любовных отношениях. И давайте не пререкаться, а просто скажите: вы подтверждаете это или нет?

– Подтверждаю, – криво ухмыльнулся Костырев. – И что. Это преступление?

– Нет, это не преступление, – спокойно возразил Гуров. – Я даже скажу вам больше, в вашем поведении в Турции не было ничего необычного или шокирующего. Вы оба были там без супругов.

– То есть вы меня понимаете и не осуждаете?

– На кой черт вы мне сдались, осуждать вас! Хотите на ней жениться – это ваше личное дело! – схитрил Гуров, почувствовав, что его собеседник расслабился и стал менее внимателен. – Я что, не понимаю, что и в пятьдесят можно влюбиться в красивую и умную женщину!

– Умную? Ну, это вы слишком! Вы ее хорошо знаете, эту Инну? Нет уж, увольте. Полюбились, и хватит. С такой свяжись на оставшуюся жизнь... лучше в петлю. Такие женщины, я вам скажу, только для курортных романов и годятся. Они, к вашему сведению, за этим на курорты и летают.

– Что вы знаете о семье Инны? – спокойным голосом спросил Гуров.

– Да практически ничего. Знаю, что замужем, что из Москвы, а кто ее муж... Мы на эту тему не разговаривали, как вы понимаете.

– Вы в самом деле не хотите бросать свою жену, потому что эта Инна такая, или...

– Или. Я вообще не собираюсь разводиться. Эти увлечения, они увлечениями и остаются, а семья мне дорога. А из-за чего вообще этот разговор? Может, вы мне объясните?

– А вы с Остапцевой разве не поддерживаете отношения после возвращения?

– Да ладно вам, – усмехнулся Костырев. – К чему это? Каждый получил то, ради чего ехал. Теперь это не нужно ни ей, ни мне. И не считайте меня подонком, прощаясь, мы как раз и договорились, что на этом все. Как видите... Стойте, а я вас вспомнил! – Костырев вдруг выпрямился на диване, опустил вторую ногу с колена на пол и внимательно посмотрел на Гурова. Сейчас он не улыбался и не кривился в двусмысленных ухмылочках. – Точно, это вы ее встречали в аэропорту, когда мы прилетели в Москву! Мы в самолете далеко друг от друга сидели, а когда вышли, я, честно говоря, захотел посмотреть ей вслед... перед окончательным расставанием. А тут вы и еще один... Я решил, что это муж, и демонстративно отвернулся. Так и прошел мимо. Слушайте... а вы кто?

– Вы сейчас подумали, что я родственник Остапцевой или ее замаскировавшийся под полицейского муж? – улыбнулся Гуров. – Нет, не пугайтесь. Я в самом деле полицейский и никогда раньше с Остапцевой знаком не был. Не в этом драма, Альберт Владимирович. Драма в том, что незадолго до прилета Инны Андреевны был убит ее муж.

– Убит? – На лице Костырева появилась неподдельная боль. – Вот значит, почему... Так вы что, меня подозреваете? Ах да... Я же был в Турции в это время, меня вы подозревать не можете.

– Почему же? – удивился Лев. – Не так сложно нанять исполнителя, уехав самому и обеспечив тем самым себе алиби. Это как раз ни о чем не говорит.

– И вы подозреваете меня? – вытаращился на сыщика Костырев.

– Пожалуй, не подозреваю, – ответил Гуров и поднялся с дивана. – Но учтите, что это лишь мое личное мнение, а есть еще следователь, есть еще МУР, который, собственно, этим делом и занимается. Но я удовлетворен нашим разговором.

– Поверьте, товарищ полковник. – Костырев тоже поднялся с дивана. – Незачем мне было его убивать, если вы в самом деле меня подозреваете. Ни желания, ни возможности у меня не было. Я не брачный аферист, я – обычный мужик. Ну, можете меня назвать бабником, если вам так удобнее. Но не более того.

– Учту, – кивнул Гуров. – Видимо, вас все же вызовут к следователю или с вами захотят поговорить оперативники из МУРа. Вы уж там своей жене легенду какую-нибудь придумайте, чтобы еще и ее не травмировать.

Лев повернулся и пошел к выходу. Он получил от разговора все, что хотел. Опрос других туристов привел к однозначным выводам относительно отношений Костырева и Остапцевой в Турции в течение десяти дней. Сейчас он вел себя довольно откровенно и даже убедительно. Вполне нормальные реакции. Да и по психотипу Костырев не такой человек, который легко убирает препятствия со своего пути с помощью пули. Теперь надо дожидаться вечера. К вечеру оперативники майора Белецкого закончат негласную проверку Костырева по месту жительства

и месту работы. Их задача – точно установить, что у Костырева в семье все нормально и тенденций к разводу или просто расставанию нет и что о его связи с Остапцевой никто не знает. Скорее всего, и этот след окажется ложным. Что делать, отрабатывать эту версию сыщики были обязаны.

– Есть адрес! – выпалил Крячко, едва только шагнул в их с Гуровым кабинет.

Лев, стоявший перед небольшой пластиковой учебной доской с цветными маркерами в руках, задумчиво спросил:

– В смысле?

– Что «в смысле»? – с улыбкой остановился рядом с другом Крячко.

– В смысле, адреса, – пояснил Гуров. – О чем речь?

Лев маялся с этой схемой уже вторые сутки. Дорисовывал новые ответвления, стирал старые отработанные версии. Теперь дерево, точнее, куст выглядел на доске очень причудливо. Он уже не был похож на строгую схему взаимозависимости, какой она была еще вчера утром, а напоминал спрута со множеством щупальцев.

– Медуза горгона, – прокомментировал Крячко. – И самая ее толстая коса растет в сторону пропавшего сына Остапцева. Вот где у нас белое пятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.